

Разумеется, благодаря своему высокому воинскому мастерству Бай Шу уловил направленный ему в спину взгляд. Однако сейчас все его мысли были заняты исключительно Хан Сиэнем, поэтому он попросту не обратил на это внимания.

Хан Сиэнь славился отменной стойкостью к хмелю. В своей прошлой жизни ему довелось провести немало деловых встреч за накрытыми столами, где сделки скреплялись чарками. В этом мире он пил редко, но свалить его с одного кубка было невозможно.

Поэтому, едва лишь Бай Шу бережно, точно хрупкую драгоценность, попытался проводить его до постели, Хан Сиэнь мягко остановил его. Он уселся за стол, налил себе чашку остывшего чая и, осушив ее одним глотком, тихо произнес:

— Я не пьян.

Бай Шу преданно заглянул ему в глаза и нерешительно спросил:

— На пиру что-то стряслось? Почему ты вернулся так рано?

Будь на месте Хан Сиэня кто-то другой, Бай Шу непременно бы затрепетал от страха. На придворной службе уйти с императорского приема слишком рано или задержаться допоздна — одинаково дурные предзнаменования. Но Бай Шу никогда не заботило подобное. Благосклонен ли к Хан Сиэню государь или же разгневан, для него не имело значения. Он завел этот разговор лишь ради того, чтобы побыть рядом и поговорить.

— Ничего особенного, — отозвался Хан Сиэнь, не желая утомлять юношу праздными придворными сплетнями.

Бай Шу тихонько угукнул. Он сидел так близко, что чувствовал едва уловимый, тонкий аромат вина. Подаваемое на императорских пирах спиртное всегда отличалось отменным качеством. Хан Сиэнь осушил всего одну чашу и был совершенно трезв, так что запах не казался резким или неприятным.

Бай Шу не сводил взгляда с Хан Сиэня. Обычно бледное, безупречное лицо Хан Сиэня сейчас тронул непривычный легкий румянец — следствие выпитого хмеля. От этого зрелища сердце Бай Шу сладко екнуло.

Будучи по природе человеком действия, он мгновенно поддался порыву: шагнул вперед, крепко обнял Хан Сиэня за плечи и прильнул к его губам.

Лишь обретя то, о чем так долго мечтал, человек осознает, насколько сладка реальность и как блекнут перед ней любые фантазии.

Под лаской чужих губ Хан Сиэнь лениво приподнял веки, а затем протянул руку и властным, сильным движением прижал Бай Шу к себе.

Быть может, всему виной была глубокая, звенящая ночная тишина. Быть может, хмель все же слегка затуманил разум, разжигая кровь, а может, бездонная глубина чувств в глазах Бай Шу растопила последние преграды. Хан Сиэнь устал уклоняться от этой любви. Прямо у кресла они принялись торопливо срывать друг с друга одежды, осыпая друг друга поцелуями, и, тесно переплетаясь телами, шагнули к постели.

На следующее утро, когда Бай Шу открыл глаза, солнце уже стояло высоко. В комнате он был один. Озадаченно приподнявшись на постели, юноша упустил шелковое одеяло, которое соскользнуло, обнажив его нагое тело. У самого изголовья аккуратной стопкой лежала чистая одежда. Стоило вчерашним воспоминаниям яркой вспышкой пронестись в голове, как лицо его вспыхнуло, став пунцовым, словно вареный рак.

Хан Сиэня в спальне не оказалось. Бай Шу торопливо натянул одежду. Тело дышало приятной свежестью — очевидно, пока он крепко спал, Хан Сиэнь бережно омыл его. Возвращаясь к реальности, Бай Шу почувствовал вовсе не ликование от того, что они наконец переступили эту черту. Напротив, в душу его закрался робкий страх: вдруг Хан Сиэнь теперь горько пожалеет о содеянном?

Наскоро одевшись, он поспешно распахнул дверь и выбежал во двор, где тут же увидел спокойно сидящего под навесом Хан Сиэня.

Тяжелый камень мгновенно свалился с души Бай Шу. Он подошел поближе, присел рядом и замер, глуповато и преданно глядя на возлюбленного.

Хан Сиэнь кивком велел служанке подать томящуюся в печи рисовую кашу.

Когда служанка удалилась, оставив их наедине, Хан Сиэнь долго смотрел на юношу, силясь подобрать слова. Наконец он негромко кашлянул в кулак и спросил:

— Ты... как себя чувствуешь? Твое тело не болит?

Бай Шу не сразу уловил скрытый смысл вопроса. Но стоило ему поймать мимолетный, заботливый взгляд Хан Сиэня, скользнувший по его фигуре, как краска стыда вновь залила его лицо до самых ушей.

— Все хорошо, правда! — закивал он с отчаянным усердием. — Отлично себя чувствую!

Глядя на его смущение, Хан Сиэнь не сдержал мягкой, теплой улыбки.

Когда на столе появилась каша, Бай Шу внезапно ощутил, насколько он голоден. Он принялся уплетать ее за обе щеки. Хан Сиэнь, понаблюдав за ним, негромко добавил:

— В ближайшие пару дней лучше ешь легкую кашу. А уже потом можно будет приготовить что-

нибудь более сытное, чтобы восстановить силы.

Бай Шу послушно закивал, уткнувшись лицом чуть ли не в самую чашку. Хан Сиэнь молча созерцал его. В душе его царил абсолютный, безмятежный покой — близость, случившаяся минувшей ночью, не оставила после себя ни тени сомнений.

О том, что принцесса Дая на празднестве положила глаз на Хан Сиэня, а тот безжалостно отверг ее, во всеуслышание объявив, что его сердце давно занято другим, Бай Шу узнал лишь через несколько дней. Эту весть принес Цзи Ло, изрядно замученный хлопотами с приемом посольства Сижун.

Самого Хан Сиэня в тот час дома не оказалось — его спешно вызвали во дворец, — и Цзи Ло со всеми красочными подробностями расписал юноше события того вечера.

Глядя на ошарашенное лицо Бай Шу, князь покачал головой и пару раз негромко хлопнул веером по ладони:

— Никто в тронном зале не ожидал от Хан Сиэня такой дерзости. Зато теперь ваши отношения, можно сказать, получили негласное одобрение свыше. Можешь смело писать брату в Сицзян — Бай Вэньхань теперь за тебя совершенно спокоен.

Выслушав его, Бай Шу лишь мягко улыбнулся. Едва они с Хан Сиэнем сошлись, он тут же отправил весточку Бай Вэньханю. С того самого мига, как они разделили одну постель, Бай Шу твердо знал: этот человек до конца дней принадлежит только ему.

И все же от слов Цзи Ло на сердце у него стало невероятно тепло. Осознание того, что Хан Сиэнь перед всем двором, никого не таясь, объявил их союз священным, наполнило душу Бай Шу безграничным восторгом.

«Как он может быть настолько хорошим? Рядом с ним я каждое мгновение чувствую себя по-настоящему счастливым»

Цзи Ло, глядя на сияющего друга, тоже искренне за него порадовался.

К возвращению Хан Сиэня из дворца Цзи Ло уже покинул поместье. Казалось, он приехал лишь для того, чтобы поведать Бай Шу эту новость.

Юноша встретил возлюбленного сияющим, полным обожания взором. Хан Сиэню хватило одного взгляда, чтобы понять: Цзи Ло опять не удержал язык за зубами.

Бай Шу подошел к нему с глуповатой улыбкой и ласково спросил:

— Зачем тебя сегодня вызывали во дворец?

Хан Сиэнь помнил, что дело, о котором он просил государя, еще не решено окончательно, а потому уклончиво ответил:

— Ничего важного. С наступлением холодов здоровье Его Величества совсем пошатнулось, я лишь навестил его.

— Вот как, — кивнул Бай Шу и, желая поскорее сменить тему, добавил: — Зимы в столице суровые. Мой брат когда-то владел поместьем на Западных горах, там есть чудесный горячий источник. Прежде я каждую зиму ездил туда греться, это очень полезно для здоровья...

Договорив до этого места, Бай Шу мысленно обругал себя последними словами. Он просто хотел поболтать о пустяках, но теперь язык не поворачивался продолжать.

Та трагедия, погубившая его семью, произошла уже давно. Но сейчас он невольно упомянул Западные горы и испугался, что эти слова ранят Хан Сиэня или заставят его погрузиться в мрачные думы.

Однако Хан Сиэнь не стал предаваться печали. Не желая, чтобы Бай Шу тревожился, он протянул руку, крепко сжал его ладонь и негромко произнес:

— Все это уже в прошлом.

Бай Шу с благодарностью ответил на пожатие и смущенно рассмеялся.

С первыми же осенними холодами здоровье императора начало стремительно угасать. Его одолевали частые простуды. Тем не менее, он из последних сил держался на совете, улаживая дела с Сижунем. В конце концов принцесса Дая была пожалована первому принцу Цзи Фаню в качестве боковой супруги.

Прочие посланники Сижуна надеялись, что как только участь принцессы решится, они успеют покинуть столицу до наступления сильных морозов и вернутся на родину, чтобы обрадовать своего правителя. Однако император под предлогом того, что заснеженные дороги опасны для путешествия, велел им остаться в столице.

Делать было нечего, и послам пришлось подчиниться.

Для Сижуна это решение стало дамокловым мечом. Пока их люди оставались заложниками в чужой столице, никто за границей не мог предугадать, падет этот клинок на их шеи или же

вернется в ножны.

Впрочем, императора столь ничтожные заботы варваров совершенно не волновали.

Когда на черепичные крыши дворца лег первый пушистый снег, государь слег. Все государственные дела временно перешли под надзор наследного принца Цзи Ло.

Нынешний недуг обрушился на императора с небывалой яростью. Лекарю Чжоу пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы удержать угасающую жизнь правителя. Старый лекарь качал головой, утверждая, что причиной болезни стали глубокая печаль и непрерывные душевные терзания, иссушившие царственное тело изнутри.

Цзи Ло помнил из своего прошлого, что император должен был прожить еще несколько лет. Однако сейчас он сомневался, сохранит ли судьба прежний ход. Государь выглядел настолько истощенным, словно не чаял пережить эту зиму.

Хан Сиэнь прекрасно понимал, что творится в душе монарха. В той, прежней жизни никто так и не раскрыл правду о гибели Ван Ина, и император до самой смерти утешал себя сладкой ложью. Теперь же, когда пелена спала, его сердце ежечасно разрывалось от боли и запоздалого раскаяния. Каждый прожитый день ложился на его грудь тяжелой могильной плитой.

Утешить его в такой горе было невозможно — облегчить эти муки государь мог лишь сам, найдя покой в собственной душе.

К счастью, регентство наследного принца проходило на удивление гладко.

<http://bllate.org/book/20088/2002117>